

Сказать по правде, Цзи Яо не отличался излишней придирчивостью. В отношениях с парнями его привлекал сам азарт — упоительное чувство контроля, когда держишь партнера на коротком поводке и вертишь им как вздумается. А кто именно перед ним — не так уж важно, лишь бы личиком вышел да характер оказался сносным.

Вэнь Линь по всем статьям подходил под определение завидного жениха, но Цзи Яо ни разу не посмотрел на него как на потенциального любовника.

Тот полностью оправдывал свое имя: мягкий, утонченный, безукоризненно вежливый. Настоящий «заботливый парень» — идеальный типаж сентиментального романтика, заполонивший экраны лет десять назад. Пожалуй, именно здесь и крылась разгадка. С таким безнадежно устаревшим амплуа Вэнь Линю на роду написано быть вечным вторым лишним.

«Не переменит тактику — так и останется ни с чем», — лениво размышлял Цзи Яо, прикусывая пластиковую трубочку.

Ну не трогали его эти нежные вздохи и преданные взгляды. Душа к подобной патоке просто не лежала.

Вэнь Линь, даже не подозревая, какую безжалостную оценку только что получил в чужой голове, забрал у него стаканчик с молочным чаем. Достав бумажную салфетку, он тщательно стер со стенок капли конденсата, затем обернул стакан еще одной сухой салфеткой, чтобы холод не обжигал пальцы, и протянул обратно.

— Держи.

Цзи Яо уставился на стаканчик, который теперь приятно грел ладони.

«...»

Он мысленно вздохнул. Ну вот опять. В этом весь Вэнь Линь — вечно носится с ним как с хрупкой девицей. Скоро шагу ступить не даст, начнет на руках переносить, лишь бы пылинки не упала.

Цзи Яо, вообще-то, был полноценным мужиком с полным комплектом анатомических достоинств. Когда другой парень — к тому же имеющий на него вполне определенные виды — окружает тебя столь приторной, почти отеческой заботой, это невольно начинает раздражать. Смириться с ролью капризной барышни он не мог при всем желании.

Хуже всего, что Вэнь Линь не притворялся — он ухаживал так совершенно искренне, от чистого сердца.

И как тут откажешь? Однажды Цзи Яо попытался деликатно намекнуть: мол, мы оба парни,

разница в возрасте у нас пустяковая, к чему эти церемонии? Но Вэнь Линь тут же надулся, обиженно сошелся бровями и уставился на него с таким глубоким вселенским горем во взгляде, будто его предали самые близкие. Кто знает, что он там себе нафантазировал в этот момент.

Цзи Яо тогда не на шутку перепугался, прикусил язык и больше к этой теме не возвращался.

С другой стороны, будучи заядлым повесой, Цзи Яо все же не был законченным мерзавцем. Жертвовать ради одного человека целым лесом разнообразных интрижек он не собирался, но преданность Вэнь Линя ценил. В конце концов, их связывали годы дружбы, и разбивать приятелю сердце не хотелось. Из чистого милосердия стоило оставить его в покое.

Такой чистый, непорочный цветок лотоса был ему не по зубам — да и к чему портить красоту? Куда приятнее время от времени любоваться им со стороны.

Вэнь Линь повернулся к нему с мягкой, обезоруживающей улыбкой:

— Я планирую задержаться здесь на пару дней. Есть места, куда бы ты хотел сходить?

Немного подумав, Цзи Яо покачал головой:

— Да нет вроде. Может, просто в баскетбол погоняем после обеда?

Вэнь Линь согласно кивнул, но тут же с легким колебанием спросил:

— А Чжан Хэ позовем?

Естественно, никакого Чжан Хэ.

Цзи Яо мысленно закатил глаза. Да Вэнь Линь сам готов был придушить Чжан Хэ за роль третьего лишнего! К тому же сам Чжан Хэ горел желанием встречать еще меньше. Лентяй, не терпевший совать нос в чужие дела, он сразу смекнул, что между его закадычным другом и товарищем по команде назревает нечто пикантное. С тех пор он за версту обходил эту парочку, если только Цзи Яо не притаскивал его за шиворот.

Получив желаемый ответ, Вэнь Линь заметно повеселел. Он с тихим восторгом разглядывал профиль Цзи Яо, увлеченно покусывающего трубочку. Взгляд его потеплел, наполнившись обожанием и нежностью.

Сам виновник торжества даже бровью не повел — за пять-шесть лет регулярного созерцания этой немой преданности у него выработался стойкий иммунитет.

Вот только прохожие подобной невосприимчивостью не обладали. И кое-кто еще. Например, Цзян Цютун.

Тот как раз закончил лекцию и направлялся к столовой, когда в толпе мелькнула знакомая фигура Цзи Яо в компании незнакомого долговязого парня. Обладая от природы острым зрением и чутким слухом, доцент Цзян уловил шушуканье двух проходивших мимо студентов:

— Слушай, а они случайно не вместе? Такие красавчики, точно геи!

Цзян Цютун мысленно развел руками.

Потребовалась пара секунд, чтобы сообразить, о ком идет речь. Он покачал головой, подивившись буйной фантазии нынешней молодежи, однако стоило ему внимательнее взглянуться в приближающуюся пару, как он замер на месте.

Внутри шевельнулось странное предчувствие.

Профессиональная деформация давала о себе знать — как-никак, Цзян Цютун преподавал психологию, да и двоюродный брат у него совершил каминг-аут еще в нежном возрасте. В тонкостях однополых симпатий он разбирался куда лучше среднестатистического обывателя.

Тем временем Цзи Яо, увлеченный истреблением остатков чая, наконец оторвался от своей трубочки и заметил преподавателя. Лицо его тут же озарилось широкой улыбкой, и он замахал рукой:

— У-у-учитель Цзяяннг!

Расстояние между ними было порядочным, так что этот вопль прозвучал откровенно ребячески и шутливо.

Цзян Цютун усмехнулся. Подойдя ближе, он с напускной строгостью спросил:

— И куда это мы направляемся в разгар учебного дня? Неужто прогуливаем?

Кампус университета поражал своими циклопическими масштабами. В обеденный перерыв мало кто решался выбраться за его пределы ради перекуса: слишком далеко, а если не повезет с внутренним автобусом, то на дорогу уйдет все свободное время.

Цзи Яо шутливо замахал руками:

— Да бог с вами, какое прогуливаем! У меня сегодня свободный день. Тут как раз друг приехал

по делам, вот и решил выгулять его, накормить по-человечески.

Говорил он легко и непринужденно, преданно глядя прямо в глаза собеседнику — канонический образчик непогрешимого натурала, чьим благородством можно иллюстрировать учебники. Эту манеру держаться он в свое время усердно скопировал у Чжан Хэ.

Напряжение в груди преподавателя немного спало. Он скользнул мимолетным, оценивающим взглядом по застывшему рядом юноше. Тот, однако, даже не удостоил его кивком. Все внимание парня было приковано к оживленно жестикулирующему Цзи Яо — губы тронула мягкая полуулыбка, а во взоре сквозило такое обожание, точно перед ним явилось божество.

Цзян Цютун многозначительно промолчал.

Отведя взгляд, он снисчительно махнул рукой:

— Ладно, бегите, оболтусы. Опоздаете — все приличные места займут.

Цзи Яо весело фыркнул, картинно раскланялся на прощание и, схватив Вэнь Линя за рукав, потащил прочь.

«Цзи Яо-то, похоже, чист, а вот его приятель... — Цзян Цютун мысленно поцокал языком. — Нынешняя молодежь дает жару».

Он покачал головой, раздумывая, не стоит ли при случае ненавязчиво предостеречь студента, но вовремя спохватился. К чему совать нос в чужую жизнь? Сами разберутся, не маленькие.

Выбросив мимолетное наблюдение из головы, он неторопливо зашагал в сторону университетской столовой.

Если бы он только знал, сколь ироничной окажется судьба. В русском языке нет точного аналога емкому китайскому выражению «получить пощечину от собственных мыслей», но именно это чувство скорого сокрушительного фиаско ему предстояло испытать во всей полноте.

Спустя время, воскрешая в памяти эти снисходительные рассуждения, он будет буквально физически ощущать, как хлесткие удары судьбы один за другим прилетают ему по лицу. До безумия больно и невыразимо глупо.